

Олег Игоревич Ильинский

ВАРЕЖКИ

Стихи и проза

ОЛЕГ И. ИЛЬИНСКИЙ

ВАРЕЖКИ

Стихи и проза

Новая книга Олега Ильинского «Варежки. Стихи и проза» представляет собой чтение, увлекательное даже для искушенного и избалованного обилием качественной современной прозы читателя. Автор, обладающий неуёмной фантазией, заставляет следить за развитием сюжетов своих фантастических рассказов и повестей, как заправский детективщик. А в стихотворной части книги изысканный слог со множеством исторических отсылок заставит вас вдруг остановиться в беглом чтении поэтических строк и нырнуть в глубины интернета, чтобы освежить в памяти некоторые подзабытые факты, имена и географические названия. Одним словом, книгу с полным правом можно назвать чтением одновременно и развлекающим, и развивающим.

Для широкого круга читателей.

© Олег Ильинский, 2022

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Техническое оформление издательство «Арго»

www.argokirjastus.ee

ISBN 978-9916-704-17-2

Отпечатано в Таллиннской книжной типографии

ПРОЗА

Варежки

У него было много достоинств: светлые волосы, большие серые глаза, прекрасный аппетит и задатки начинающего философа. Кроме того, Андрюша слыл местным волокитой и имел большую иллюстрированную книгу «Размышляя о гастрономии», подаренную ему пару лет тому назад приятелем его Петькой Замарзиным. Как и всякая жертва плотоядия, Андрюша не отказывался вести праздную жизнь. Он обладал довольно крупной фигурой, высоким ростом, а также некоторым капиталом, который позволял ему думать, что у него есть вкус. Его повсюду сопровождала безукоризненная чистота, и он без труда мог занять умной беседой провинциальных девушек, на коих его познания в области зарубежной моды всегда производили приятное впечатление. Зимой он щеголял собольим воротником, рыжими перчатками из кожи оленя и стильными итальянскими ботинками на тракторной подошве. А летом? Летом он был вообще неотразим.

Петька Замарзин, младший и верный товарищ Андрюши, небольшое бесполое с виду существо лет двадцати пяти, был человеком скромным, но имел удивительные способности и дарования. На рынке он умел выбрать правильный свиной окорок, безошибочно приластиться к нужной телятине, с поварским видом определить качество мясных изделий и, нащупав какой-нибудь изъян, деловито настоять на снижении цены. Он знал все приличные в округе места, где готовили вкусно и дорого, был на короткой ноге с тамошними объедалами и щедро и весело угощался с ними за их или андрюшин счет. Петька приводил дорогого товарища на стрижку к лучшим мастерам; он предлагал ему свежие

новости, касающиеся цен на современное жилье в мегаполисе, куда Андрюша с недавнего времени жадно стремился перебраться; и он же сообщал Андрюше точные сведения о той или иной молодой особе женского пола, проездом или с иной какой оказией заглянувшей в их небольшой уездный городок. Искренне ценя преданность друга, Андрюша повеял ему сокровенные тайны своего львиного сердца, гостеприимно вмещавшего множество увядших секретов. Замарзин с внимательным равнодушием слушал эти рассказы и всякий раз по их окончании выдавал Андрюше бескорыстную порцию дельных советов на будущее. Они, как правило, принимались, и тогда Петька светился от гордости.

* * *

В то лето приехала к ним в городок молодая и симпатичная выпускница столичного университета Катя Колокольцева. Она была внучкой старика Колокольцева, академика, вернувшегося в родные края и тихо доживавшего здесь светлый свой век. По данным Замарзина, девушка остановилась у своего деда, в «доме у речки», и пробудет в городе без малого месяц.

Андрюша находился в том возрасте, когда даже самое робкое воображение нет-нет, да возьмет и нарисует картину-другую семейного счастья. Андрюше шел тридцать первый год; волокитства ему наскучили; новые знакомства тяготили своей неискренностью, а пуще — расходами; и непонятная усталость начала овладевать его душою. Бойкое провинциальное сердце, однако, не сдавалось, энергично ища для себя отдохновения и финансового благополучия. И вот как-то вечером, презрев пороки сладострастия и чревоугодия, Андрюша одиноко побрел к реке, сел у березки и, глядя на бегущую серую воду, стал думать. «А может, мне действительно жениться? Что скажешь, Петька?» — мысленно обратился он к Замарзину.

Субтильная фигура лишь пожала плечами и развела руками, безмолвно давая Андрюше понять, что хотя она всей душой и одобряет такое его стремление, всё же семейная жизнь — это та единственная область, которая ей — то есть ему, Петьке, — абсолютно неведома, а посему он не берется быть советчиком в данном вопросе. «Эх, беспозвоночный ты человек, Петька. Дипломат!»

На самом деле Замарзин боялся. Сам по себе он был слаб и щеделушен. В школьные годы, когда он еще носил очки с толстыми линзами, он был не совсем похож на остальных, был неуклюж и рассеян и долгое время являлся объектом насмешек со стороны одноклассников. Во взрослой жизни немного изменилось. Он стал крайне разборчив во всем, стал осторожен и мнителен. Поступив на работу в местный ресторан официантом, он вдруг проявил себя с неожиданной стороны: у него открылись доселе спавшие феноменальные способности — запоминать лица, цифры, предметы, причем в больших количествах, и это сослужило ему хорошую службу в его ресторанном деле. Его заметило начальство. Тогда он немного встряхнулся, выгодно изменился... а тут еще внезапное знакомство с любимшим покушать Андрюшей, который незамедлительно взял толкового официанта под свое крыло. Теперь он находился с ним в приятельских отношениях... Нет, Петька боялся потерять такого товарища, ведь за его видной спиной он мог с убедительным комфортом укрыться от любых социальных потрясений и прочих невзгод.

Информация, предоставленная Замарзиным, пришлась как нельзя кстати. Девушка была молода и довольно хороша собою. Дед ее имел приличное состояние, но был человеком строгим и старомодным, «с своеобразным взглядом на вещи». Катя выросла в интеллигентной семье, была начитанной и хорошо воспитанной девушкой. Поэтому требовался особый подход. Да... Андрюша думал

о том, что пришел к реке с этой мыслью не случайно. Ведь была еще Люся, единственная дочь известной в городе зажиточной четы Харповых. Андрюша охарактеризовал Люсю как «натуру неунывающую». Пару лет тому назад всё его рассеянное внимание было поглощено ее округлыми формами и скромным немногословием. Правда, позже добавилась еще одна добродетель — произвольный раскатистый смех... С ней Андрюше было всегда хорошо, она была ему кем-то вроде друга. Он вспомнил, как однажды вечером, накатавшись на заезжих каруселях, они, голодные, зашли в один небольшой, рекомендованный Люсей ресторанчик. Заняли столик. Заказали еды и вина. Чья-то услужливая рука принесла неожиданные свечи и, улыбаясь, водрузила их перед ними на стол. Незаметно выплыл здешний скрипач Бенья Иванов и, склонившись над непонимающим андрюшиным ухом, стал ублажать слух кавалера ноющими опусами. Потом он переметнулся к Люсе. Она слушала его не дыша, с подобающим восторгом. И вот он умолк, и тогда она ему подмигнула, и сразу же заиграла бодренькая музыка.

Андрюша и Люся смеялись. Вино и молодость делали свое дело. Друзья пребывали в прекрасном настроении, и вечер казался волшебным. Вскоре скрипач исчез и полилась тихая мелодия. Насытившимся трапезой принесли чай. Люся настойчиво зазвенела ложкой, весело глядя в андрюшины глаза. Когда звон колоколов наконец утих, их взгляды вдруг встретились, и Люся, отодвинув в сторону терпеливую чашку и томно улыбнувшись, положила в свои ладони большую андрюшину руку и доверительно произнесла:

— А что, Андрей Валерьевич, может, женишься на мне?

Андрюша немного растерялся, но, не снимая с лица улыбки, переспросил:

— На тебе?

— А фигли! — и Люся, небрежно тряхнув рыжими волосами, неестественно засмеялась и тут же отбросила андюшину руку в сторону.

— Не бери в голову, гусар, я пошутила! — содрогаясь в смехе, объяснила Люся. — Давай лучше выпьем!

— Согласен! — охотно поддержал это предложение Андюша.

Люсин выпад оказался столь неожиданным и каким-то даже вульгарным, что уже со следующего дня немного охолодившийся Андюша начал ее приветливо избегать. Но ничто не бывает случайным и не проходит бесследно. Наконец-то он понял, чего на самом деле просила его душа, и втайне, никому об этом не сообщая (за исключением Петьки Замарзина), он стал мечтать о хорошенькой девушке — воспитанной, не из местных. Он знал, он верил, что когда-нибудь она явится в их городок, и он, набравшись смелости, сделает ей предложение, и тогда она согласится, и они уедут к ней, в столицу, и заживут там счастливо... С этими мыслями Андюша вернулся домой и лег спать.

* * *

И вот он влюбился. Он несколько раз видел Катю издали и остался своим выбором очень доволен. Она не шла — плыла. Стройная, красивая, в длинном и легком платье, она высоко и ровно держала голову, переступая мягкими шагами, и все движения ее были полны изящества и строгой грации. Колокольцев частенько называл внучку по имени и отчеству, и Петя авторитетно заявил, что Екатерина Романовна утренние часы свои проводит в местной библиотеке, просиживая за книгами в читальном зале. Он уточнил: с половины десятого до часу дня. Ее обычно встречает дедушка, и они, неторопливо беседуя, возвращаются домой обедать. Вечером Екатерина Романовна почти не выходит

из дому, а если и выходит, то ненадолго. Это всё, что удалось узнать ему за три дня.

Нельзя было терять ни минуты. Андрюша метнулся к Валентине Захаровне, бывшей учительнице, пообещав ей золотые горы за трехнедельный курс в области литературы и русского языка. «Души прекрасные порывы», а также разные убедительные доводы со стороны молодого человека тронули сердце отставного педагога, и она согласилась давать ему частные уроки. Проработав в школе более тридцати лет и с честью пройдя период полного эмоционального выгорания, она выпустила еще один класс и, надев белую шляпку, элегантно удалилась на пенсию. Ее долго никто не видел. Ходили всякие слухи. Поговаривали, будто она вышла замуж и уехала в столицу. Бог знает, что еще говорили... Но вскоре молва успокоилась — белую шляпку видели на центральной улице входящей в книжный магазин. Валентина Захаровна, как оказалось, никуда и не уезжала. Она уютно поселилась в XIX веке и теперь выходила на прогулку крайне редко, да и то только в обществе кого-то из просвещенных людей того времени.

Андрюше повезло, он застал учительницу по прежнему адресу. На первом уроке она усадила его напротив себя, энергично сдвинула его широко расставленные в стороны колени и, нежно взяв ученика под руку, повела его по лабораториям культурной жизни. Они побывали во Флоренции и Германии; встретились с Макиавелли и Эразмом Роттердамским; заглянули в мир утонченной вежливости — в парижские салоны; посетили литературные кружки Петербурга, где упражнялись в искусстве беседы и культивировали точный слог. Кроме этого, Валентина Захаровна познакомила молодого человека с некоторыми из своих друзей — Буниним, Дельвигом, Флобером и Голсуорси — и, наконец, попотчевав его стихами великого князя Константина Романова, выпустила на свободу. Благодарный

Андрюша, шатаясь, вышел на воздух. Он посидел немного на лавочке, потом зашел домой перекусить, час поспал, переделся и направился в спортивный комплекс. Там, купив месячный абонемент на посещение атлетического зала, он принялся интенсивно наращивать мышцы.

Уже через несколько дней, в одолженных у кого-то очках, тщательно выбритый и столь же тщательно надушенный, он появился в библиотеке. Подойдя к Кате, учтиво поинтересовался, не занято ли место. Услышав необходимый ответ, он аккуратно разложил на столе книги и скромно присел на соседнем стуле.

* * *

К тому времени Люся решительно утвердилась в мысли, что их отношения с Андрюшей окончательно выяснены и дело идет к свадьбе. Его молчание объяснялось так: «Растерялся... Это его задело... Теперь ищет пути, как бы самому сделать мне предложение». Она ходила к гадалкам, и те подтвердили; ею были оповещены завистливые подруги; она разработала план по выходу из никотиновой зависимости и, справив на местном рынке спортивный костюм с белоснежными полосками, начала бегать по утрам.

Дед Кати был занят важной работой. Он почти завершил большое исследование. Его новый фундаментальный труд с нетерпением ждали в Академии наук, и здесь, наедине с природой, в свободной от суеты большого города обстановке Василий Арсентьевич мог уделять любимому занятию много своего светлого времени, гораздо больше, чем в ту пору, когда работал в университете. Он ежедневно, а иногда и по ночам, неспешно стучал на печатной машинке, медленно и неотвратно приближаясь к финишу. Оставалось еще раз всё окончательно проверить, что-то подчистить, в общем, привести работу в надлежащий вид и отдать на суд своим столичным коллегам.

Дом, в котором жил Василий Арсентьевич, был настоящим теремом, доставшимся ему в наследство от отца, прожившего в городке почти безвыездно всю свою жизнь. Он и построил это деревянное чудо. Какие здесь виды открывались! Стоявший поодаль от новостроек, архитектурно возвышенный, дом этот, словно небольшой средневековый замок, свисал над рекой. Он привлекал к себе не одно липкое поколение уездных торговцев и заезжих дельцов.

Катиного деда уже давно обхаживали прожорливые сводники, посылавшие ему помимо бумаг с цифрами и предложениями свои визитные карточки, — все в какой-то позолоте, с неизменными фотографиями их владельцев, причем с обеих сторон, видимо, с расчетом на то, что если дед и бросит в сердцах карточку, понимающие глаза риелтора встретят его взгляд в любое другое, удобное для него время, и тогда, исполненные человеческой доброты и совсем не чуждого им бескорыстия, они и помогут, и подскажут, как поступить и, бережно обратив несговорчивого хозяина к благоразумию, участливо призовут его в нужный момент поставить в нужном месте интеллигентную подпись. Пожалуй, не сколько за дом, сколько за живописное место, на котором тот был расположен, окружные спекулянты и прямые соискатели счастья сулили Колокольцеву значительную сумму. Иногда они появлялись лично, отвлекая его от работы. Он строго поглядывал поверх очков на искусителей, сдержанно отнекивался и, вежливо поблагодарив за оказанную честь, а на деле — за очередную порцию макулатуры, которая шла на растопку камина, открывал перед ними дверь и не задерживал.

* * *

Всё шло своим чередом. С утра Андрюша исправно посещал читальный зал, днем навевывался к Валентине Захаровне, а вечером, вышибленный ею из седла, интеллек-

туально изможденный, переходил к более отрадным для него занятиям физической культурой. Немного одуревшая и переполненная литературой голова его медленно тяжеле- лела, и хотя Андрюша стойко переносил все лишения, свя- занные с полезным и так необходимым ему сейчас умствен- ным трудом, организм потихоньку просил пощады, требуя роздыха и дополнительного покоя. В библиотеке тоже на- метились некоторые изменения. Андрюша захрапел на со- седнем с Катей стуле, навалившись всей своей чугунной го- ловой на ее хрупкое плечо. При этом заемные очки тут же соскочили с его носа и полетели под стол. К тому време- ни, когда утомленный читатель очнулся, Катя уже проти- рала их платком. Она приветливо улыбнулась и протяну- ла очки молодому человеку. Он извинился, поблагодарил Катю, и они немного разговорились. Выяснилось, что его зовут Андреем, а ее Катей, и она приехала в гости к свое- му дедушке; а он, Андрей, напротив, живет здесь, в городе, и в данный момент готовится к поступлению в один из сто- личных вузов на отделение филологии. Они еще немного поговорили. Затем, взглянув на часы, Катя сказала, что ей пора, и заторопилась к выходу. Андрюша, быстро уложив книги и тетради в сумку, догнал Катю в коридоре и, беспре- станно извиняясь за недавнее недоразумение, сказал, что тоже уходит, и они вместе вышли из библиотеки.

Катю, как обычно, встречал дедушка. Он немного уди- вился, увидев рядом с внучкой молодого человека, но когда они вместе подошли к Василию Арсентьевичу, молодой че- ловек вежливо поклонился, показывая тем самым, что со- бирается уходить. Но тут Катя отчетливо проговорила:

— Дедушка, это Андрей. Так получилось, что мы делим с ним в читальном зале один стол на двоих.

Андрей еще раз вежливо поклонился.

— Василий, очень приятно. Так вы, стало быть, знаете мою внучку? — улыбнулся Василий Арсентьевич.

Часть первая. Проза

— Кто может похвалиться, что он знает женщину? — задумчиво произнес Андрюша.

Эта фраза, наспех заученная им у Валентины Захаровны, ждала удобного случая, чтобы блеснуть*. Но получилось не к месту. Возникла пауза. Дед кашлянул.

— Ну, ладно, мы, пожалуй, пойдем, — сказала Катя. — Удачи вам, Андрей. До свидания.

— До свидания, — немного смутившись, проговорил Андрюша, осознавая, что совершил оплошность.

* * *

Тем же вечером ресторанный разведка доносила: «Люсе передали, что Андрюша ходит в библиотеку с новенькой; сидят они за одним столом; а сегодня их видели втроем с ее дедом у входа в библиотеку, где они о чем-то оживленно беседовали».

Петька успокаивал приятеля, советуя ему пару дней в библиотеку не ходить.

— Чтобы всё улеглось, — говорил он. — И ревность Люси, и твоя оплошность, хотя это пустяки... Да и вообще, тактически это будет правильно, — резюмировал Петр.

Люся была вне себя. Движимая ревностью, она все последующие дни вела скрытое наблюдение за библиотекой, два из которых прошли абсолютно впустую: утренний дозор результатов не принес. Однако на третий день, когда уже немного успокоившаяся Люся собиралась снять наблюдение, решено было отправиться в еще одну засаду. И тут ее чуткое сердце сжалось: ровно в 10 часов утра Андрюша, в каких-то очках, прилизанный и в белой рубашке, бодрым

* Высказывание «Какой смертный может похвалиться, что он знает женщину?» Валентина Захаровна подсмотрела у Александра Бестужева-Марлинского в повести «Испытание» (глава III, бал-маскарад; ответ Дона Алонзо графине). «Какой смертный» Валентина Захаровна заменила на «кто» и заботливо скормила Андрюше.

шагом вошел в здание библиотеки. Она прервала свою пробежку и, вернувшись домой, кинулась на кровать и горько проплакала в течение последующих пятнадцати минут. Потом к половине первого она снова вернулась в свои кусты, и к часу дня худшие ее опасения подтвердились: Андрияша вышел из библиотеки с этой самой Катей. У входа их встретил ее дед, и они, отчего-то очень довольные, все вместе направились в сторону речки. Люсе вдруг захотелось преследовать их, выяснить, куда они идут, непременно устроить скандал, ей хотелось... хотелось... но цепь растительности, скрывавшая ревнивые сердца от нежелательных взоров, вдруг прерывалась... А Люсю в городе многие знали, и она не могла допустить, чтобы ее за глаза подняли на смех; поэтому она, несчастная и обреченная, была вынуждена вернуться домой ни с чем.

* * *

Оставалась неделя до отъезда Екатерины Романовны. Вместе с ней поехать в столицу собирался и Василий Арсентьевич. Он укладывался в сроки. По его расчетам, через три — максимум четыре — дня манускрипт должен был быть полностью готов, и тогда Василий Арсентьевич смог бы отвезти его, а заодно и проводить Катю домой, к ее родителям, и, задержавшись у них на несколько дней, отдохнуть в обществе сына и его жены, которых не видал уже с прошлого лета. Сегодня Василий Арсентьевич решил пригласить Катю и ее нового знакомого в кафе. Он хотел угостить молодежь мороженым, которым и сам был не прочь полакомиться, а заодно и расспросить молодого человека о его учебных планах, ну и, если будет интересно, рассказать ему вкратце о своей работе.

В час дня они встретились у библиотеки. День был чудесным. Солнце спряталось, дул легкий ветерок, было чутьточку прохладно, но сухо и по-летнему хорошо. Сирень

уже понемногу отцветала. В этот день многочисленные кусты ее, росшие прямо напротив Дома знаний, как величала местную библиотеку Валентина Захаровна, оставались нетронутыми и не осквернялись нашествием Люси. Она, видимо, стойко страдала дома или же каталась с подружками на роликах.

Катя вышла в длинном бежевом платье и тонком воздушном платке сдержанно-яркой расцветки, повязанном простым элегантным узлом поверх одежды. Василий Арсентьевич был одет в светлый льняной костюм, на ногах — мягкие кожаные мокасины, а на голове красовался берет нежно-небесного цвета, тут же напомнивший Андриюше о существовании в целом доброго, но не всегда предсказуемого соседа — десантника прошлых лет, и Андриюша невольно улыбнулся. Сам он — корпулентный, аккуратно выбритый, в очках — шел в легкой зеленой куртке, из-под которой виднелся свежий и приветливый воротничок белой рубашки, в оранжевых вельветовых брюках и темно-коричневых туфлях. Он хотел подпоясаться и темно-коричневым ремнем с золотистой пряжкой, но мудрый Петя, призывая избежать полного совпадения в цвете, всё же отговорил товарища, и было решено идти вовсе без ремня.

Троица выдвинулась по направлению к кафе. Андриюша, желавший казаться раскованным и непринужденным, внутри себя был взволнован и сосредоточен. «Только бы ничего не перепутать и ничего не забыть», — говорил он себе. За эти пятнадцать дней, что он провел в обществе книг и Валентины Захаровны, он израсходовал много писчей бумаги и проглотил массу полезной литературы; он заучил наизусть десятки цитат, подобранных для него Петькой и всё той же Валентиной Захаровной; перед сном он декламировал; он мог рассказать об университете, в который он по легенде собирался поступать; он знал, что отвечать, что спрашивать, о чем говорить следует, а о чем не следует, как перевести

разговор в нужное русло, где промолчать, о чем пошутить, как отреагировать... И всё же он переживал. Он должен произвести хорошее впечатление. Это был его единственный шанс попасть в *такую семью*, к этим умным состоятельным людям из столицы. И если получится, уже в августе он приедет к Катиным родителям, познакомится с ними и попросит ее руки... Если получится, а получится обязательно — не будь он Андреем Половиным! — после свадьбы он заедет сюда, в этот городок с его огородами и прочими обывателями, с шумным базаром и ветхими кинотеатрами... И тогда все узнают, кто он есть на самом деле. Смотреть-то будут уже по-другому и называть станут не иначе, как Андрей Валерьевич... Ладно. Надо собраться с мыслями. Только бы старик не спросил его о родителях. Похвастаться здесь нечем. Ну, будем надеяться, что всё обойдется. Вот, кажется и пришли.

Они вошли в кафе. Чистенько. Уютно. Музыка. Посетителей немного. Василий Арсентьевич предложил выбрать столик. Катя с Андрюшей переглянулись и взглядами сошлись на угловом столике у окна. Андрюша усадил Катю, помог Василию Арсентьевичу управиться с тяжелым стулом и уселся сам. Расположились. Долго выбирали мороженое. Василий Арсентьевич светился радостью.

Всю дорогу от библиотеки он шутил, смеялся и пребывал в самом приподнятом настроении. Эта была радость далеко не молодого, образованного человека, завершившего работу над объемной рукописью, которая продвигалась медленно и с любовью... Избегая всяческой спешки, ступая по самоцветам знаний, он скрупулезно собирал материал для своего исследования. Шаг за шагом он неотступно следовал к цели. Весь путь к ней — это был воздух, вольное дыхание на просторе, источник вдохновения, самая блаженная жизнь. В трудах своих он забывал о недугах, которые немногочисленно, но порой неожиданно подкрадывались

к нему; его совсем не тревожил быт, и он был крайне неприятелен в еде.

Просыпаясь обычно около восьми часов утра, он умывался и приводил себя в порядок, подравнивая ножничками седые усики; затем завтракал, облачался в «царские одежды» и выходил в кабинет. Там в течение десяти-пятнадцати минут он настраивался на работу: перечитывал составленный им с вечера план; раскладывал книги, тетради, печатные материалы; его окружали справочники, фотографии, газетные вырезки и многое что еще. Он искал, читал, изучал карты, выезжал для сбора материала в другие города и даже посетил несколько стран; он навещал коллег, рылся в архивах, ходил по музеям, посещал интересующие его лекции, встречался с нужными людьми. Всё у него было сжато, находилось в исправности, всё — в полном порядке и всегда под рукой. И сейчас, за чашечкой кофе и порцией его любимого мороженого, он, как ребенок, излучал светлую радость, и ему казалось, что всё вокруг радуется вместе с ним.

— Мы с дедушкой здесь уже были, — обращаясь к Андриюше, сообщила Катя.

— Вот как? — выразив удивление, осведомился Андриюша.

— Да. Я приезжала сюда год назад на каникулы. И мы сидели за этим же столиком. Помнишь, дедушка?

Дедушка ответствовал, что помнит прекрасно, только стены, по его мнению, были выкрашены тогда в другой цвет, и что теперь ему нравится больше.

«Вот и начало разговора, — подумал Андриюша. — Сейчас будет мой выход».

— Могу ли я поинтересоваться, Василий Арсентьевич, в какой области вы проводите исследование? От Екатерины Романовны я узнал, что ваш труд почти закончен, а подробности, и я полагаю, вполне резонно, она сообщать отказа-

лась, — и Андрюша почтительно улыбнулся Кате. Василий Арсентьевич расплылся в умиленной улыбке и собирался было вернуть молодому человеку встречную учтивость, как в окно с улицы неожиданно постучали. За окном стояла женщина средних лет, в рабочем комбинезоне, с растрепанными волосами, пытавшаяся знаками привлечь внимание Василия Арсентьевича. Она показала, что сейчас зайдет.

— А, это Варвара. Она живет неподалеку от меня. Наверное, привезла мне зелени с огорода. Огурчики у нее замечательные!

Дверь отворилась:

— Василий Арсентьевич! Беда... Дом ваш горит! — и она вдруг зарыдала.

— Что... Как горит? — едва проговорил побелевший Василий Арсентьевич.

— Да. Всё в огне... Поедьте быстрее. У меня тут такси за углом.

Они все вместе выбежали из кафе и быстро сели в такси. Водитель, видимо, был в курсе случившегося. Не спрашивая, куда нужно ехать, он тут же развернул автомобиль и резко тронулся с места.

— Как же так, Варвара... Что же случилось? Как горит?!

— Хорошо, что вы мне вчера сказали, что пойдете в кафе... А то где бы я вас искала?.. Господи... — и она вновь зарыдала.

Катя испуганно смотрела на деда. Андрюша, сидевший рядом с водителем, напряженно глядел вперед.

— Да, там у реки дым! — быстро и громко проговорил он.

Мимо пролетели две пожарные машины. Василий Арсентьевич склонил голову и закрыл лицо руками.

— Боже мой! Там же работа... Моя папка... — и он тихо застонал.

Катя, сидевшая рядом, обняла деда. Варвара продолжала голосить.